

мым превосходством «своего» этноса над соседями. Лишь утверждение социалистических отношений, ликвидирующее фактическое неравенство народов, создает предпосылки для искоренения любых проявлений этнических предрассудков в сознании людей.

Представляется, что сформулированные выше критерии могут быть использованы в качестве основания исторической типологии этнических общностей, представляющей собой одновременно периодизацию процесса этнического развития человечества. На первом этапе, совпадающем в целом с эпохой первобытности, а р х а и ч е с к и м этническим общностям свойственны аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания (что проявляется зачастую в отсутствии самоназваний), нечеткость этнических границ. Второй этап соответствует эпохе рабовладения; он отмечен активизацией этничности, вследствие чего древние этносы обладают отчетливо выраженным этническим самосознанием, в основе которого лежит обычно представление о делении человечества на «нас» и варваров. На третьем этапе по мере развития феодализма наблюдается процесс стагнации этнических общностей; средневековые этносы зачастую утрачивают свой дискретный характер, их специфика затушевывается, а этнические связи оттесняются на второй план социальными отношениями иного рода. На четвертом этапе кризис феодализма создает объективные предпосылки для интенсификации этнических связей; современные этносы характеризуются четкой выраженностью своих свойств, что сопровождается формированием принципиально новых компонентов этнического самосознания. Выявляя закономерности возникновения и смены исторических типов этноса, соответствующих указанным выше этапам этнического развития, мы можем предвидеть, что с победой коммунистических общественных отношений начнется новый, пятый этап, когда этническое деление общества будет постепенно утрачивать свою нынешнюю актуальность, а этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества.

А. И. Першиц

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Статью М. В. Крюкова хотелось бы приветствовать по нескольким причинам. Первая: всегда полезно критически рассмотреть под новым углом зрения установившиеся и ставшие привычными взгляды, а такими нередко становятся даже взгляды, высказанные какие-нибудь десять — пятнадцать лет назад. Вторая: статья еще раз привлекает внимание к необходимости формационного понимания всех сколько-нибудь важных исторических явлений вообще, исторических типов этнических общностей в частности. Третья: предложенный в статье типологизационный критерий как один из возможных критериев представляется заслуживающим внимания. И еще одна: в то время как этническая дифференциация в нашей литературе все чаще рассматривается как имманентная природе человека современного вида и неизменно полезная своего рода отбором этнокультурных ценностей, автор статьи напоминает, что с победой коммунизма начнется новый этап, когда этническое деление общества будет «постепенно утрачивать свою нынешнюю актуальность, а этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества» (с. 69) *.

Но, приветствуя звучащий в статье призыв к формационному подходу, я никак не могу согласиться с реализацией в ней этого подхода.

* Здесь и в последующих откликах ссылки на статью М. В. Крюкова даются в тексте.

Начну с терминологической стороны дела. М. В. Крюков придает большое значение тому, чтобы мы не применяли одинаковое обозначение «народности» для народностей рабовладельческих и феодальных. То же равным образом должно относиться к термину «нация» для наций капиталистических и социалистических. Он считает такие термины двусмысленными обозначениями разнотипных понятий. Однако представляется, что погрешности в типологизации здесь нет, так как и народности, и нации подразделяются на формационные категории — рабовладельческие и феодальные, капиталистические и социалистические. Поэтому нельзя считать погрешностью против формационного подхода к явлениям наличие в этих словосочетаниях одного общего термина «народность» или «нация». Считать так — значит следовать логике тех, кто возражает против отнесения наций к более широкой категории этносов, этнических общностей и применения к ним указанных собирательных обозначений. Следуя такой логике, и сам автор статьи не должен был бы применять один и тот же термин «этническая общность» к общностям людей на рассматриваемых им пяти формационных ступенях исторического процесса. И соответственно он не должен был бы считать, что предложенный В. И. Козловым набор аббревиатур для исторических типов этих общностей, аббревиатур, каждая первая буква которых расшифровывается как «этнос», представляет собой первую в нашей науке типологию этносов, не на словах, а на деле последовательно выдержанную в формационном духе.

Конечно, термины должны быть по возможности адекватны выражаемому ими понятиям: *nomina est omen*. И все-таки, как это уже давно известно, о терминах не спорят, а обуславливаются. Думается, в нашем случае тоже задача заключается не в поисках для разных формационных типов этносов различных — аббревиатурных ли, иных ли — обозначений, а в выявлении различия между рабовладельческими и феодальными народностями, капиталистическими и социалистическими нациями, да и между формационными типами этнических общностей в целом. То, что эти типы неодинаковы не только по социальной структуре, но и по каким-то собственно этническим признакам, проявляющимся главным образом в сфере культуры, можно считать доказанным. Но в чем именно неодинаковы? Вот в чем вопрос, и, обращаясь к нему в конце статьи, М. В. Крюков предложил решать его на основе критерия выраженности этнических свойств, этничности, находящих отражение в таком важнейшем, хотя и вторичном, признаке, как этническое самосознание.

Здесь мы подошли к сути дела, к рассмотрению исторических типов этнических общностей с точки зрения их связи с формационными ступенями всемирно-исторического процесса. Согласно развиваемой автором статьи идее, смена исторических типов этнических общностей — это чередование этнической стагнации и этнической активности. В первобытном обществе этническим общностям свойственны «аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности их этнического самосознания»; рабовладельческое общество отмечено «активацией этничности, вследствие чего древние этносы обладают отчетливо выраженным этническим самосознанием»; с развитием феодализма наблюдается «процесс стагнации этнических общностей»; с кризисом феодализма создаются объективные предпосылки для «интенсификации этнических связей; современные этносы характеризуются четкой выраженностью своих свойств»; при коммунизме «этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества» (с. 69). Если выразить эти пять ситуаций самым простым арифметическим кодом, то мы получим следующую картину чередования этнического хаоса или декаданса и ренессанса: — + — + —.

Представляется, что у этого решения только одно общее с формационным подходом — выделение пяти сменяющих друг друга этапов. Между тем для теории формаций как раз менее всего существенно, сколько звеньев в формационной цепи, и не случайно исследователи-марксисты до сих пор спорят о том, четыре, пять или шесть общественно-экономи-

ческих формаций знает история человечества. Главное в марксовой теории формаций состоит в понимании формаций как *восходящих* ступеней развития. Формационный процесс — это не чередование прогресса и регресса, а прогрессивное развитие, хотя, разумеется, в нем могут быть и зияния, и скачки назад. Однако лишь относительно кратковременные зияния и скачки назад, а не целые регрессивные формационные этапы. Скажем, тринадцать лет гитлеризма в Германии, но не десять веков средневековья.

Здесь правомерен вопрос: что же в этническом развитии общества прогресс и что — регресс? Активизация или стагнация этнических свойств и этнического самосознания? Яркая или бледная этническая окраска? На наш взгляд, решение его целиком лежит в той же плоскости, что и решение вопроса об аксиологии социального (в узком смысле этого слова) развития человечества. По сравнению со справедливой, но малопродуктивной доклассовой уравнительностью возникновение и все дальнейшее развитие антагонистических классовых обществ было скачком вперед, давшим возможность создать те ценности цивилизации, без которых был бы невозможен новый скачок — к бесклассовому обществу. Точно так же по сравнению с относительной первобытной дезэтничностью последовавшее за ней все дальнейшее развитие этнической специфики явилось прогрессом, хотя бы уже потому, что оно обеспечило создание тех культурных (и в том числе этнокультурных) ценностей, овладение которыми позволит планетарно коммунистическому человечеству снова начать дезэтничизироваться. Но может быть, не только поэтому. Известно, что в условиях сосуществования социалистической и капиталистической систем на нынешнем, первом этапе коммунистического строительства этническая дифференциация оказалась устойчивее дифференциации классовой. Однако применительно ко всемирно-историческому процессу в целом параллельное развитие классового и этнического начал допускает гипотезу о том, что этничность антагонистических классовых обществ всегда была и остается одним из неспецифических механизмов поддержания целостности социумов в условиях классовой борьбы и межгосударственных антагонизмов. Уточним формулировку: выраженная этничность антагонистических классовых обществ, и в особенности общества капиталистического, в отличие от неструктурированной протоэтничности доклассового и предсказанной В. И. Лениным дезэтничации коммунистического общества¹.

Дальше. Говоря о формационном подходе, следует иметь в виду, что марксова теория формаций — это теория единства и многообразия формаций. При разных масштабах членения исторического процесса она предполагает выделение как трех больших, так и (внутри второй формации) трех малых формаций, которые в свою очередь слагаются из двух «крупных форм» — докапиталистической и капиталистической². В большой триаде формаций, каждая из которых является отрицанием предыдущей, степень этничности в том же простейшем коде выглядит как ряд — + —. Первый минус означает здесь исходную этническую неструктурированность, а оба последующих знака — как плюс, так и минус — каждый для своего этапа, учитывая, что оба они являются отрицанием предыдущего этапа, в равной мере аксиологически положительны (следует учитывать, что минусы в начале и в конце ряда неравноценны). Однако в малой триаде формаций, представляющих собой восходящие ступени антагонистического классового развития, ситуация видится совсем ина-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23, с. 55, 63; т. 24, с. 52.

² Подробнее см.: Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ. — В кн.: Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972, с. 69—70 (перездание: *их же*. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций. М., 1974); Поршнев Б. Ф. Роль социальных революций в смене формаций. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

че. Примем вслед за М. В. Крюковым, что на верхнем уровне этнической иерархии в основе этнического самосознания в рабовладельческом обществе лежало деление человечества на две неравные части — «нас», т. е. «неварваров», и «варваров». Надо добавить, что критерий этого деления был еще недостаточно четок. В одних случаях это — критерий культурной дихотомии: эллины — «неварвары», а скифы — «варвары», но египтяне — тоже «неварвары». В других случаях он приобретает политическое звучание: персы, хотя они и обладают древней культурой, — «варвары», потому что они заклятые враги эллинов. Какую-то роль, вероятно, играл и религиозный момент: для римлян эллины «неварвары» не только потому, что они обладают более высокой культурой, но и потому, что они верят в тех же богов; римляне же по этой причине для эллинов только «полуварвары». Так или иначе этот комплексный критерий «работал» на определенного рода этническое самосознание. В феодальном обществе (вспомним, что его мировоззрение было религиозным) на верхнем уровне этнической иерархии в основу этнического самосознания лег более четко выраженный конфессиональный критерий: человечество разделилось прежде всего на христиан, мусульман, иудеев и т. д. Это очень стойкий критерий, легко приобретающий этноконфессиональный характер и в некоторых случаях достаточно дающий себя знать даже в капиталистическом обществе (самый яркий пример — этноконфессиональные общности в составе арабского ливанского народа). Однако, как правило, в капиталистическом классовом обществе, являющемся второй «крупной формой» антагонистического способа производства, на этом уровне этнической иерархии как бы взрывообразно возникает этничность в ее чистой и ярко выраженной форме. Если это так, то нарастание этничности в малой триаде формаций выглядит не как ряд $+ - +$, а как ряд $+ + + + +$. Взрыв этничности настолько силен и настолько сильно сказался на этнических общностях нового типа, что последние, даже полностью изменив свою социальную структуру, и в социалистическом обществе оказались очень устойчивыми.

Теперь можно было бы вернуться к вопросам терминологии. Рабовладельческие и феодальные народности, различаясь между собой, в то же время сходны в том отношении, что этничность еще не приняла в них чистой и ярко выраженной формы. В нациях, как капиталистических, так и социалистических, эта форма присутствует. Поэтому одни — народности, а другие — нации с соответствующими формационными дефинитивами (или, скажем, одни — *a* и *b*, а другие — *C* и *D*). Но, как уже говорилось выше, терминология — не главное. Намного важнее различение типов этнических общностей, соответствующих первой «крупной форме» антагонистического способа производства, и типа, появившегося вместе с его второй «крупной формой».

Понятно, что параллельно этому развитию этничности высшего иерархического уровня происходило развитие этничности более низких уровней. Например, в древней Италии от латинов, сабинов и т. д. к италийцам, а в средневековой Италии, на новом витке спирали, от италийцев, лангобардов и пр. к итальянцам. Калейдоскоп этнических пертурбаций даже на территории одной только небольшой Италии может дать богатый материал для построения многочисленных и противоречащих друг другу моделей развития на основе самых разных критериев — этничности, структурированности и др. Но одно ясно заранее. Поскольку теория формаций как восходящих ступеней развития имеет силу естественнонаучного закона, постольку ни одна не согласующаяся с ней модель этнической эволюции не может быть адекватной действительности.

В заключение еще несколько слов. Как и М. В. Крюков, мы рассмотрели исторические типы этнических общностей в связи с формационным пониманием исторического процесса. Но при этом не следует забывать, что этническая общность, этнос, будучи явлением по преимуществу формационным, имеет также и аспект межформационной преемственности. Последняя сказывается не только в области языка, но и в определенных чертах этнической культуры в ее узком понимании, не втянутых или мало

втянутых в русло формационного развития³. Многие этнически окрашенные пищевые традиции или особенности обрядовой жизни, фольклорные сюжеты или религиозные представления сохранились в народной культуре от первобытности до наших дней. Но это уже другая тема, заслуживающая особого обсуждения.

³ См.: *Периц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре.— *Сов. этнография*, 1982, № 3.

Ю. И. Семенов

О ПЛЕМЕНИ, НАРОДНОСТИ И НАЦИИ

В статье М. В. Крюкова достаточно убедительно показано, что в теории этноса многое все еще остается дискуссионным. Особенно много споров вызывает проблема типологизации этнических общностей. В последние годы предложено немало типологий этнических общностей. Однако подавляющее большинство их так или иначе базируется на знаменитой триаде: племя, народность и нация. Представление о племени, народности и нации как основных типах этнических общностей все еще является самым распространенным. А между тем, по нашему мнению, полностью согласиться с ним нельзя. И нельзя потому, что все эти три общности отличаются друг от друга по своей сущности.

Существует немало определений этнической общности. Но если взять самые распространенные, то суть их будет одна. Этническая общность обычно определяется как совокупность людей, имеющих общую культуру, говорящих, как правило, на одном языке и осознающих как свою общность, так и отличие от людей, принадлежащих к другим таким же общностям.

Начнем с рассмотрения соотношения этнической общности и племени. Сразу же уточним, что, говоря о племени, мы имеем в виду позднее, классическое племя, представляющее собой организованное целое и имеющее общие органы власти. Примером могут послужить племена ирокезов и гуронов. Люди, входившие в состав такого племени, обычно имели общую культуру, говорили на одном языке или диалекте одного языка. Если добавить к этому, что они осознавали свою общность и свое отличие от людей, принадлежавших к другим такого же рода группам, то становится ясным, почему племя характеризуется как этническая общность.

Племя, как правило, действительно было и этнической общностью. Однако не в этом заключалась его сущность. Племя прежде всего было социальным организмом, т. е. единицей исторического развития¹. И сознание племенной общности было в своей основе сознанием принадлежности не к культурно-языковой общности, а к социальному организму как определенному организованному целому. Это особенно наглядно выступает в тех случаях, когда в состав племени входили группы людей, отличавшиеся культурой и языком от основного его ядра, так и в тех, когда люди с одной культурой и языком образовывали несколько племен.

Племя, как все вообще социальные организмы первобытного, а в значительной части и предклассового общества, относилось к особому типу — демосоциальным организмам². Такие социальные организмы всегда занимают определенную территорию, но границей их является граница не этой территории, а того круга людей, который составляет данные орга-

¹ Об этом понятии см. *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— *Вопросы истории*, 1966, № 8.

² Подробнее об этом см. *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества.— *Сов. этнография*, 1982, № 2.